

Артур Вэнс

Папа, ты пришел?

18+

Артур Вэнс

Папа, ты пришел?

<https://litres.ru/74349233>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Папа, ты пришёл?" - фантастика о границах любви, памяти и цифрового бессмертия.

Киран Эш потерял жену и дочь. Два года он существует в серой пустоте горя, пока корпорация "Нейро" не предлагает ему последний шанс: перенести сознание в цифровой рай "Хризолит", где можно заново собрать любую крупницу реальности. Киран подписывает контракт, не подозревая, что трансфер пойдет не так.

Артур Вэнс

Папа, ты пришел?

Глава 1

Папа, ты пришёл?

Глава 1. Там, где кончается запах

Очередь к терминалу «Нейро» никогда не спит. Она дышит, колышется и пахнет дорогим антисептиком, смешанным с феромонами обреченности. В зоне ожидания — ни одного окна, только панели цвета слоновой кости, излучающие мягкое сияние, от которого, как от анестезии перед операцией, становилось не по себе.

Киран смотрел на людей в зале. В памяти всплыл пляж, настоящий: галька под босыми ногами, соленая корка на плечах, чей-то смех, похожий на перезвон стеклянных колокольчиков. Образ был таким ярким, что на секунду перебил даже гул серверов за стеной — низкий, утробный, почти инфразвуковой стон, от которого зудели пломбы в зубах.

Пляж был не тот, где они обычно отдыхали семьей каждое лето, а чужой, случайный, увиденный однажды в рекламном ролике на экране телефона, кажется, когда он ехал в мет-

ро. Но мозг, изголодавшийся по живым ощущениям, сейчас присвоил его, перекрасил, населил голосами, которых никогда не существовало, и теперь выдавал за воспоминание. Киран не стал себя одёргивать. За последние два года он научился не спорить с собственным разумом, когда тот занимался подобным «воровством».

Он переступил с ноги на ногу. Колени заныли — не постариковски, а как ноют у человека, который слишком долго стоит на одном месте или вообще мало ходит. Тридцать семь лет, а тело уже начало сдавать позиции: поясница напоминала о себе каждое утро, в правом плече поселился какой-то тупой щелчок, появлявшийся каждый раз при попытке поднять руку выше головы. Киран где-то читал, что горе старит человеческие клетки быстрее, чем время. У людей, переживших утрату, теломеры укорачиваются так, будто они прожили лишних десять лет. Он не знал наверняка, правда ли это. Но, глядя на свои руки — сухие, с проступившими венами, с заусенцами, которые он обрывал по ночам, не в силах заснуть, — верил. Прошло всего два года, но в зеркале на него смотрел человек, которому можно было смело дать все пятьдесят.

Впереди, у стойки, женщина в сером пальто подписывала документы на дисплее компьютера. Её пальцы дрожали так мелко, что электронное перо дважды соскользнуло с экрана. Оператор терпеливо ждала, сложив руки перед собой, с тем самым выражением вежливого сочувствия, которое Ки-

ран уже давно научился распознавать как профессиональную маску. Лицо сотрудницы не выражало сочувствия, тепла или интереса. Просто работа, протокол, ежедневная рутина. Женщина наконец-таки поставила последнюю подпись — отпечаток указательного пальца, и Киран увидел, как её плечи опустились — не от облегчения, а как опускаются плечи у человека, который только что отдал что-то очень важное, то, что уже никогда не вернёшь обратно. Женщина развернулась и пошла в сопровождении сотрудника «Нейро» к выходу из зоны ожидания, не оглядываясь. Её каблочки стучали по полу ровно, механически, и этот стук сейчас был единственным живым звуком в зале.

— Мистер Эш, — голос девушки-оператора за стойкой был безупречно смодулирован автоматикой: вежливое сочувствие, строгая дистанция и ни единой капли подлинного человеческого тепла. — Ваша очередь подойдет ровно через семь минут. Прошу вас заранее ознакомиться с финальным протоколом оцифровки.

Она протянула ему тонкий, почти невесомый планшет, похожий на гладкую пластину льда. На мерцающем экране бесконечной лентой бежали казенные строки, и Киран автоматически скользил по ним отрешенным взглядом: отказ от биологических прав, добровольное согласие на деструкцию физического носителя, пункт 4.7 — «Возможные аномалии перцептивного спектра». Последняя формулировка на секунду задержалась на самом краю его сознания, но он

мысленно отмахнулся. Каких еще аномалий ему стоило бояться? Вся его жизнь после гибели Эллисы и маленькой Ивы и без того превратилась в один сплошной феномен — в затянувшийся, бессмысленный сбой в реальности, где больше не осталось ни единой опоры.

Он уверенно поставил электронную подпись. Палец скользнул по матовому стеклу, оставив на нем едва заметный маслянистый след — последнее осязаемое свидетельство того, что он вообще когда-то существовал в этом реальном мире.

Эш убрал руку и посмотрел на этот след. Маслянистая дуга, оставленная подушечкой пальца, уже начала медленно таять, постепенно впитываясь в антибликовое покрытие. Через минуту от неё не останется ровным счётом ничего. Через час никто даже не вспомнит, что здесь стоял человек по имени Киран Эш, архитектор, тридцати семи лет, вдовец и отец погибшей девочки. Планшет уберут в стойку, экран погаснет, и очередь сдвинется на одну позицию, как сдвигается конвейерная лента на заводе — следующий.

На секунду он подумал о том, что ни разу за последние два года не позвонил матери. Ни на Рождество, ни в день её рождения в марте. Не позвонил даже в ту самую ночь, когда сидел на полу прихожей своей квартиры и выл, не в силах остановиться. После случившегося она звонила сама — раз в неделю, всегда по воскресеньям, — и каждый раз он слушал её голос, ровный, осторожный, полный той особен-

ной материнской нежности и заботы, с которой обычно говорят с неизлечимо больными детьми. А в ответ Киран не мог произнести ни слова: молчал, дышал в телефон и слушал. А потом она говорила: «Я понимаю, милый. Я просто хотела услышать, что ты жив», — и вешала трубку. Он не перезванивал не потому, что не любил. Причиной был её голос, в котором слышалась Эллиса, та же интонация на гласных и та же манера чуть растягивать последнее слово в предложении. Каждый телефонный звонок был для него маленькой пыткой, которую он не мог выдержать или прекратить.

Теперь это уже не имело никакого значения. Тело, которое мать знала — его руки, голос и запах, — через несколько минут просто перестанет существовать. А то, что придёт ему на смену, будет чем-то иным и вряд ли они когда-нибудь смогут снова общаться. Еженедельные терзания наконец-то прекратятся, и наступит долгожданное облегчение.

Киран сунул руки в карманы шерстяного пальто. В правом лежал ключ от квартиры. Маленький, плоский, с брелоком в виде деревянного кита — Ива нашла его в сувенирной лавке и торжественно вручила ему со словами: «Это чтобы ты не потерял дорогу домой, папа». Два года он открывал им дверь, за которой никого не было.

Он вытащил ключ, положил на стойку рядом с планшетом. Металл тихо звякнул о стекло.

— Это больше не понадобится, — сказал он. Голос прозвучал на удивление спокойно, почти равнодушно.

Оператор молча кивнула и смахнула ключ в ящик стола, к десяткам других таких же ключей, бумажников, обручальных колец — мелких артефактов чужих жизней, которые люди оставляли здесь, на пороге, как снимают обувь перед входом в чужой дом.

— Пройдемте со мной, мистер Эш.

Его проводили в зал трансфера. Это стерильное пространство больше всего напоминало операционную, спроектированную минималистом-самоубийцей: идеально белые стены с глухой внутренней подсветкой, холодные хромированные подлокотники кресел, а в самом центре — массивная капсула, похожая на саркофаг из молочного кварца. В её недрах лениво переливалась опалесцирующая жидкость — нейроинтерфейсная суспензия, пахнувшая чем-то тошнотворно-сладким, словно приторный яд увядающих лилий.

— Ложитесь. Постарайтесь максимально расслабиться. В первые секунды может быть легкая дезориентация.

Киран покорно подчинился. Липкий холод оцифровывающей суспензии мягко обволок его затылок и тонкими ледяными пальцами неторопливо пополз вниз вдоль позвоночника.

Тело отреагировало раньше разума: мышцы спины напряглись, лопатки сжались, пальцы рук и ног вцепились в мягкую подложку капсулы. Киран почувствовал, как суспензия заполняет пространство между позвонками — медленно, с той неотвратимой тщательностью, с какой вода проса-

чивается в трещины фундамента. Холод был не поверхностным и воспринимался не только кожей. Он шёл глубже, под рёбра, обнимал лёгкие, касался сердца, и на одно мгновение Кирану показалось, что он чувствует, как каждый капилляр в его теле сужается, реагируя на внешнее вторжение.

Пытаясь расслабиться, как ему велели, он и не заметил, что стиснул зубы, опустил плечи и разжал кулаки. Тело слушалось плохо, с тем упрямым сопротивлением, как будто знало: то, что сейчас произойдёт, необратимо. Киран каждой клеткой ощущал то, что с ним делали: физически чувствовал напряжённые мускулы, учащённый пульс и подступившую к горлу тошноту. Тело не хотело умирать, и потому сопротивлялось единственно доступным способом — напряжением, мелкой дрожью и испариной на висках.

Он лежал и смотрел на молочно-белый, гладкий, без единого шва потолок капсулы. Киран отметил автоматически: бесшовная конструкция, литьё под давлением, радиус кривизны рассчитан на равномерное распределение нагрузки. Красивая и безупречная работа. В такой капсуле наверняка хотелось бы оказаться пациенту, которому предстоит безопасная операция, а не человеку, который добровольно ложится «под нож» собственного исчезновения.

Где-то за стенкой капсулы гудели насосы, перекачивающие суспензию. Звук был низким, ритмичным, почти убаюкивающим, и Киран вдруг вспомнил, как Ива засыпала под гул стиральной машины, установленной на кухне. Эллиса

ставила её на ночной режим, и дочка, закутанная в одеяло с головой, лёжа на кресле, слушала мерное урчание барабана, пока веки не начинали слипаться. «Мам, она поёт», — говорила Ива сонно. «Кто, детка?» — «Стиралка. Она поёт мне колыбельную». Эллиса и Киран, переглядываясь, тихо посмеивались. А затем, стараясь не разбудить, переносили спящую Иву в кроватку, но девочка всё равно на секунду открывала глаза, бормоча: «Пап, ты пришёл», — и засыпала снова, уже окончательно.

Про «Хризолит» ходили легенды, будто там можно заново пересобрать любую крупицу реальности — воскресить дорогой сердцу момент или вернуть ушедшего человека. Даровать призрачное присутствие тем, кого больше не существовало в реальном мире, и особенно тем, кого ты так болезненно и навсегда потерял.

Киран закрыл глаза. Суспензия добралась до поясницы. Холод стал уже достаточно привычным, перестав пугать.

— Начинаю предварительное картирование нейронных связей. Задержка дыхания — десять секунд.

В висках тяжело запульсировало. Крышка капсулы плавно закрылась, наглухо отсекая любые внешние звуки реального мира. Отныне Киран слышал исключительно самого себя: мерный стук собственного сердца, глухой шум крови в сосудах и тонкий, почти неуловимый высокочастотный звон — словно где-то невообразимо далеко лопнула туго натянутая струна.

А затем весь его привычный мир с грохотом раскололся.

Происходящее не имело ничего общего с обычной физической болью, ведь любая боль — это только сигнал, имеющий свой очерченный источник, локализацию и четкие границы. То, что лавиной обрушилось на Кирана в секунду оцифровки, не обладало ни формой, ни именем. Ослепительный белый шум яростно хлынул в каждую клетку его существа, мгновенно перемалывая связные мысли и нейронные связи в мелкую пыль. Перед внутренним взором бешено пронеслись безумные и пугающие видения: гротескные геометрические фигуры из живой плоти, бесконечные реки раскаленного стекла и металла, поющие деревья, вывернутые корнями вверх. Он судорожно попытался закричать, но рот уже был до краев заполнен приторной, удушающей жидкостью. Пошевелиться тоже не вышло: его разум попросту забыл, как именно нужно управлять биологическим телом. На одно бесконечное, застывшее мгновение Киран полностью перестал существовать как личность, обратившись в чистый, концентрированный ужас — в одинокий сигнал, — точку, запертую внутри умирающего мозга.

Безмолвие навалилось внезапно, словно плотная подушка на лицо. Киран открыл глаза — или, по крайней мере, ему так показалось, поскольку глухая темнота поначалу никуда не делась. Но уже через секунду она нехотя начала отступать, медленно расслаиваясь на едва различимые оттенки серого, коричневого и теплого, приглушенно-золотого.

И в эту самую первую долю секунды, когда темнота уже отступила, но мир ещё не успел обрести форму, вес или запахи, — в эту крошечную, меньше вдоха, паузу между небытием и существованием, Киран не подумал ни «где я», ни «что случилось». Он не успел. Мысль пришла раньше разума, языка, быстрее осознания самого себя — влетела откуда-то из подсознания, из тёмного подвала, где живут не слова, а нейронные связи и кратковременные импульсы. Скорее это была не мысль даже, а слепое и беспомощное движение руки, тянущейся в темноте. К тем, кого он искал каждую ночь, просыпаясь в холодном поту в пустой квартире, чьи имена он произносил во сне, не открывая рта.

Эллиса. Ива.

Не слова или образы, просто направление — вектор. Как стрелка компаса, которая дёргается и замирает, указывая на север, — только здесь не было ориентации по сторонам света, направление стремилось в бездонную пустоту. Рука тянулась и не находила опоры, пальцы судорожно сжимались и разжимались в вакууме, хватая отсутствие. И это ничто — огромное, неумолимо заполняло всё вокруг вместо них двоих, — стало самым первым знанием, которое Киран осмыслил в этом новом мире. Первым и главным — их здесь нет.

И только потом, спустя ещё одно бесконечно долгое мгновение, когда это знание улеглось на дно сознания тяжёлым камнем, вернулось всё остальное: пространство, дыхание, свет. Но трещина в нём уже зияла как незаживающая рана

— и она имела форму двух людей, которых больше не существовало.

Первым, что он ощутил физически, было не зрение и не слух, а собственный вес, к которому тело привыкает за годы жизни и перестаёт замечать, — тяжесть костей, плотность мышц, давление стоп на поверхность. Он вернулся. Не сразу, не целиком, но Киран почувствовал опору в ногах, тело, слегка покачиваясь, пыталось найти равновесие. Пальцы рук чуть подрагивали, до конца не понимая, сжаты они в кулак или нет.

Он попытался ими пошевелить, сжимая и разжимая. Получилось. Повторял снова и снова. Движения были медленными, вязкими, словно руки двигались сквозь воду в бассейне. Но они двигались. Это было его тело. Или его копия? А может просто воспоминания? Разница, если она и существовала, была слишком тонкой, чтобы уловить её в первые секунды пробуждения.

Эш моргнул. Веки сомкнулись и разомкнулись с едва слышным влажным щелчком. Ресницы коснулись кожи — он почувствовал это прикосновение, мимолётное, почти неосязаемое, но настоящее. В реальном мире люди не обращают внимания, как моргают. Это происходит рефлекторно. Здесь каждое движение казалось событием, а мелочь — жестом, требующим подтверждения.

Он просто стоял. И это было странно, потому что он не помнил, как встал на ноги. Не мог вспомнить процесс пере-

хода из капсулы в вертикальное положение. Между «лежу в суспензии» и «стою в прихожей» не было ничего — ни специалиста-оператора «Нейро», ни рук, которые помогли бы подняться, ни голоса, сказавшего: «Всё готово, можете вставать». Сначала — лежал. И вот теперь — стоит. Как будто кто-то вырезал из киноплёнки несколько кадров и склеил их концы, пропустив отрезок событий.

Голова немного кружилась. Не сильно, не до тошноты, но ощутимо, как будто он долго сидел на корточках и резко выпрямился. Киран подождал, пока вестибулярный аппарат придёт в норму, и только после этого решился оглядеться.

Следом в его сознание яростно ударил запах: аромат только что сваренного кофе с едва заметной капелькой кардамона — именно такого, какой всегда любила Эллиса. А прямо под ним проступил едва уловимый шлейф её духов «Утренний муссон» — терпкий, с пикантной нотой мандариновой цедры. Киран задышал часто, жадно, захлебываясь этим запахом родного дома, и вместе с каждым вдохом в его душу стремительно хлынуло смутное, долгожданное осознание окружающего мира. И на одно единственное, слепое, бездонное мгновение — раньше, чем тело почувствовало еще что-либо, — он был счастлив. Той эйфорией человека, который два года брёл во мраке и вдруг уловил аромат: они здесь, они живы, Эллиса только что сварила кофе и сейчас обернётся от плиты с полотенцем через плечо, а Ива выскочит из детской босиком и вцепится ему в ногу, и ничего не случилось,

не было никакой катастрофы.

Когда первые жадные глотки воздуха иссякли, Киран отметил, что в этой картине чего-то не хватает. Он поднёс к лицу запястье — почти бессознательно, жестом, каким человек ловит едва различимый след, — и вдохнул запах кожи на сгибе. В первую секунду ему показалось, что он уловил его: тусклую приторную сладость нейроинтерфейсной суспензии, аромат увядающих лилий, душок капсулы. Он принёс его сюда на себе, как специфический шлейф больницы, который ещё долго держится в одежде выписанного больного. Но этот след стремительно таял, растворяясь с каждым выдохом, подобно маслянистой дуге на стекле планшета.

Странно, но собственная кожа ничем не пахла: ни острым потом страха, хотя бояться ему сейчас полагалось бы больше, чем когда-либо, ни шерстью пальто, ни графитом карандашей, среди которых он прожил всю взрослую жизнь, ни неделями бессонницы, которые должны были впитаться в него, как табачный дым въедается в занавески. Он приблизил нос почти вплотную к рукаву и вдохнул снова, глубже, настойчивее, — и вновь обнаружил лишь ровную, стерильную пустоту, будто в проекте под названием «Киран Эш» потерялось одно из измерений, и никто не заметил утраты.

Страшнее всего было то, что он, как ни старался, не мог даже вспомнить свой запах, как будто обоняние утратило его навечно. По-видимому, запахи тела остались там, в капсуле, вместе с последним потом. Перед глазами промелькну-

ло воспоминание, когда Ива, встречая отца с работы, зарывалась носом в его шею и объявляла с серьёзностью эксперта: «Ты пахнешь карандашами. И ещё дождём». Эллиса смеялась и подтверждала — да, карандашами и дождём, и ещё чем-то особенным, по чему она узнала бы его в толпе с закрытыми глазами. Он, отшучиваясь, улыбался.

Киран опустил руку и ещё несколько секунд стоял неподвижно, прислушиваясь уже не к тишине вокруг, а к своему новому, ничем не пахнущему телу. Мир вокруг всё ещё благоухал кофе, кардамоном и «Утренним муссоном», но сам он находился по ту сторону запахов, и эта невидимая граница оказалась, пожалуй, самой непреодолимой из всех, что он пересёк за день. Необъяснимо, но именно здесь, на границе его собственной кожи, запахи обрывались.

Эш обнаружил себя стоящим в прихожей их старой, уютной квартиры, ключ от которой он навсегда отдал оператору «Нейро». Справа от него темнела вешалка красного дерева с характерной потертостью у самого основания, оставшейся после того, как Ива однажды с разбегу въехала в нее своей игрушечной коляской. Слева висело зеркало в полный рост, на котором всё еще виднелось крошечное пятнышко от лака для волос, которое Эллиса когда-то безуспешно пыталась оттереть ацетоном. Вся обстановка казалась прежней и находилась на своих местах. Вот только внутри Кирана нарастало пугающее ощущение, что в этой идеальной картине что-то непоправимо не так — он интуитивно и одновременно фи-

зически чувствовал этот подвох каждой клеткой своего тела, но никак не мог уловить его истинную суть.

Киран замер, напряженно прислушиваясь к окружающему пространству. Он отчаянно ждал шагов — легких, чуть шаркающих, с тем самым характерным постукиванием каблука о старый паркет, ведь у Эллисы одна нога была немного короче другой. Ждал звонкого детского смеха, обычно похожего на чистый серебряный ручеек. Но в ответ не прозвучало ни звука. Тишина в квартире стояла настолько плотная и глубокая, что даже его собственное прерывистое дыхание казалось в ней святотатством.

Он сделал робкий шаг вперед. Доски под ногами отозвались знакомым скрипом — то была третья половица от входа, которую они за все годы так и не удосужились заменить. Этот треск получился пугающе сухим и одиноким, совершенно не подхваченным ответным эхом. Будто Киран внезапно очнулся в пустом театре, откуда зрители давно ушли, а тусклый свет на сцене безвозвратно погасили.

— Эллиса? — его голос прозвучал неестественно глухо, словно в уши плотно набили ваты. — Ива?..

Ничего.

Эш стоял посреди прихожей и слушал, как обрывается его голос, словно кто-то перерезал нить на середине слова. В нормальной квартире звук отскакивает от стен, уходит в коридор, возвращается ослабленным эхом, мягко гаснет где-то за поворотом. Здесь же произнесённые имена любимых

поглотились и стёрлись из воздуха раньше, чем успели долететь до противоположной стены. Будто само помещение не желало помнить, что кто-то говорил.

Киран сглотнул и попробовал снова — уже тише, почти шёпотом, обращаясь не к квартире, а к себе:

— Меня зовут Киран Эш.

Вышедший звук был ровен и чист, как выглаженная ткань. Он вспомнил, как звучала его речь в последнее время: скребущая, тусклая, с саднящим привкусом на нёбе, но сейчас из горла вышло гладкое звучание, словно отполированный камень. Без хрипа и характерной сиплости, которая жила у него между вторым и третьим словом любого предложения.

Киран провёл кончиками пальцев по собственной гортани, пытаясь нащупать вибрацию, и почувствовал её — равномерную, как гудение исправного мотора. Он опустил руку от горла и стоял, глядя в никуда. Система не могла знать, каким был его голос после катастрофы, поскольку он не записывал его на носители информации, значит предоставила ему среднестатистический, без каких-либо заметных изъянов. Выходит, Система забрала у него не только запах тела, но и голос, вернее подменила настоящий другим, более красивым.

В эту минуту он подумал: «Если голос подделан, возможно, исправлено и всё остальное: мысли, чувства и само страдание, которое он принёс с собой. Может быть, оно тоже стало не настоящим. Наверняка Система пересобрала и его, сте-

рев тошнотворную, звериную тоску, которая жила у него под рёбрами. Скорее всего, то, что он чувствует сейчас, — лишь аккуратная копия его скорби, размытый намёк на катастрофу, эхо-отпечаток того, что было».

Эш стоял посреди прихожей, опустив руки вдоль туловища, и внимательно прислушивался, как бьётся сердце — размеренно, без единого сбоя. Если даже горе в нём было поддельным, тело не знало об этом, продолжая гнать кровь по венам, наполнять кислородом лёгкие, держать спину вертикально, потому что тело не спрашивало разрешения у разума. Киран сделал шаг, потом еще один. Ноги двинулись сами, без его осознанного приказа, — направились туда, где было что проверять на подлинность, поскольку стоять на месте, сомневаясь в собственном существовании оказалось невыносимее, чем искать доказательства в предметах.

Он прошёл в гостиную, и ноги сами понесли его к книжной полке. Не потому, что он хотел сию минуту читать, просто полка являлась нагромождением их общих, любимых книг. Эллиса ставила сюда всё подряд: кулинарные книги рядом с детективами, путеводители по странам, в которых они никогда не были, альбомы по искусству, которые они листали в излюбленном книжном магазине по субботам. Киран провёл пальцами по корешкам и остановился. Пальцы не ощущали фактуры. Не чувствовали шершавости книжных корешков, шелковистости глянцевых суперобложек, вмятин на переплётах, оставленных годами. Поверхности были ров-

ными, однородными. Казалось, что каждый корешок был отлит из одного и того же материала и лишь окрашен в разные цвета.

Он вытащил одну книгу — «Архитектура без архитекторов» Бернарда Рудольского. Эллиса подарила этот каталог ему на тридцать лет с автографом: «Чтобы ты помнил, что лучшие здания строят не архитекторы, а жизнь». Полистал и открыл на странице с надписью. Надпись была на месте — буква в букву. Киран поднёс страницу к носу и вдохнул, обонянием пытаясь уловить запах. Ничего. Ни запаха типографской краски, ни лёгкой кислинки старой целлюлозы. Книга представляла собой лишь видимость, являясь пустой обложкой, формой без содержания и копией без сути.

Он аккуратно вернул книгу на полку корешком наружу — рука сделала это сама: этот вечный предмет спора с Эллисой, любившей ставить их обложкой, раз и навсегда разрешила Ива, заявив, что расставлять их нужно так, «как хотят сами книги».

На подоконнике стояла кружка. Не чашка, а именно кружка — большая, пузатая, с отколотым краем, из которой Ива пила какао по вечерам. Киран взял её в руки. Фарфор был слегка тёплым, гладким, без единой царапины и небольшого скола, который Ива сделала, случайно уронив кружку на пол кухни, покрытый старым, местами потёртым керамогранитом. Чтобы убедиться окончательно, он провёл пальцем по краю. Скола не было, кайма была целой. И от этого совер-

шенства знакомого предмета Кирану стало только хуже.

Он вышел из гостиной и торопливо завернул на кухню, где на обеденном столе всё еще стояли две чашки с недопитым кофе. Одна — белая, с ярко-красным следом помады на ободке оттенка «Гранатовый всполох», который так обожала Эллиса. Вторая — его любимая, черная, без ручки. Напиток был еще теплым: он прикоснулся к фарфору кончиками пальцев и ощутил мягкий, почти живой жар. Он поднес чашку Эллисы к губам и сделал быстрый глоток, но жидкость оказалась странно нейтральной — словно обычная дистиллированная вода, в которую уронили лишь случайную каплю воспоминания. Это был не сам вкус, а его далекое эхо, тонкий намек, как размытая акварель.

Киран аккуратно поставил чашку обратно на блюдце, ручкой вправо. Рука сделала это рефлекторно, без участия сознания, — жест, въевшийся в мышцы за годы совместной жизни. Он поймал себя на этом движении с опозданием, уже после того, как фарфор коснулся блюдца с тихим, почти неслышным стуком. Всегда ручкой вправо. Он делал так для удобства, чтобы Эллисе, которая была правой, было комфортно брать чашку. Вроде бы мелочь. Ничего не значащая ерунда, которую он проделывал тысячи раз, даже не задумываясь. И теперь эта мелкая деталь напомнила ему об остатках их общего языка жестов. Той невидимой хореографии, которую два человека вырабатывают за годы совместной жизни: кто ставит по утрам чайник, открывает на проветривание

окно, первым ложится спать и гасит свет в спальне.

Он присел на стоящее рядом кресло. Деревянное, с плетёным сиденьем. Кресло было удобным. Киран почувствовал, как плетение чуть прогибается под его весом, как деревянная спинка упирается между лопатками. Но тепло дерева было не таким, каким его зафиксировала память. В настоящем мире дерево нагревается от тела медленно, неравномерно, с той ленивой основательностью, с какой старый дом принимает жильцов. Здесь оно было равномерно тёплым сразу. Как будто температуру задали скрытым параметром, а не временем.

Киран сидел и разглядывал чашку. Внимательно изучал красный след помады «Гранатовый всполох». Эллиса красила губы только по особым случаям — на дни рождения, на годовщины, перед походом в театр или кино. В обычные дни она не красилась вообще, говорила, что лень или некогда. Но этот след был здесь, на ободке, и он скорее всего означал, что Система решила: сегодня был особый случай. Что она воссоздала из памяти Кирана? Может тот последний день, когда Эллиса накрасила губы? Наверняка именно так. Или, может быть просто потому, что в памяти Кирана жена всегда была чуть наряднее, чем в жизни, — и Система здесь и сейчас взяла именно эту, приукрашенную версию? Он не знал наверняка.

Киран машинально протянул руку и коснулся следа помады кончиком пальца. След не размазался и не отпечатался на

коже — казалось, он был просто впечатан в структуру фарфора. Он откинулся на спинку кресла и прекратил думать. Не усилием воли, не осознанным решением — просто перестал, как замирает маятник, когда его хватают на лету. Мысли, которые ещё секунду назад метались внутри, сталкиваясь и обгоняя друг друга, вдруг потеряли скорость, потяжелели и осели на дно сознания, как ил в стоячей воде. Он просто сидел в кресле на кухне, в этой «своей» квартире и смотрел в одну точку на стене напротив. С одной стороны, всё вокруг было таким знакомым, родным, с другой — всего лишь чужой проекцией его воспоминаний, вырванных из контекста невидимой рукой «Нейро». Точка на стене напротив была ничем. Маленькое пятнышко, едва заметное, возможно, след от когда-то висевшей здесь рамки с фотографией. А может быть, никакой рамки и пятна не было. Он уже не знал наверняка — и в эту минуту ему было всё равно.

Безмолвие вокруг него не было пустым. Оно было наполнено — тем особенным, густым, почти осязаемым молчанием, которое бывает в доме сразу после того, как все жители его покинули. Не тишина ночи, когда мир спит и размеренно дышит во сне, и не раннего утра, когда город ещё не проснулся. А после, в которой ещё незримо висит эхо чьего-то голоса, ещё хранится тепло чьего-то тела на спинке стула, но самого человека уже нет, и воздух медленно, нехотя принимает это к сведению. Киран на протяжении последних лет был слишком хорошо знаком с этой атмосферой. И сейчас, сидя

на кухне с двумя чашками на столе, он вдруг понял, что безмолвие здесь ничем не отличается от такого же, в том реальном мире, откуда он пришёл. Абсолютный акустический вакуум. Хотя нет, различия всё же были. Отсутствовало эхо, не было и остаточного тепла. Он вдруг очень ясно осознал, что крошечная надежда, на то, что здесь в этом оцифрованном мире жена и дочь просто вышли в соседнюю комнату и сейчас вернутся, прямо здесь и сейчас окончательно умирала.

Он посмотрел на свои руки. Положил их на колени ладонями вверх, как кладут руки на стол перед врачом, и внимательно рассматривал. Линии на ладонях были на месте — те самые, что он помнил с детства: глубокая борозда жизни, короткая веточка у основания большого пальца, шрам на указательном от канцелярского ножа, которым он в четырнадцать лет пытался вырезать деревянную лодку. Но под ногтями не было ничего — ни пыли, ни ворсинок ткани, ни того сероватого налёта, который неизбежно скапливается на руках живого человека к концу дня. Руки были стерильно чистыми, как у манекена в витрине магазина.

Киран медленно сжал пальцы в кулак. Разжал. Снова сжал. Под кожей рук он чувствовал ткань брюк — грубоватую, с лёгким ворсом. Ощущал, как ногти слегка впиваются в ладонь. Тело работало. Значит, он здесь. Где бы это «здесь и сейчас» ни находилось.

За окном, там, где должен был шуметь город, не происходило ровным счётом ничего. Не было слышно далёких гуд-

ков автомобилей, лая собак или скрипа качелей в соседнем парке, даже шелеста листьев на ветвях деревьев. Ровный свет лежал на полу кухни прямоугольником, но в нем не наблюдалось ни единой пылинки. Киран проследил взглядом за этим лучом от окна до самой стены, где он упирался в ножку стула. В настоящем мире в таком луче всегда танцует пыль — миллионы крошечных частиц, которые хорошо различимы в косых лучах света. Здесь воздух выглядел пустым и полностью прозрачным.

Он неподвижно сидел и дышал. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Механика, которую тело выполняло само, без его участия, и в этой автоматической простоте было что-то успокаивающее. Пока он дышит и может думать, он существует. Киран не знал, сколько времени просидел так минуту или десять. В этом месте, где не было ни солнца, ни часов, ни далёкого церковного колокола, по которому Эллиса когда-то сверяла время на кухонных часах, длительность потеряла всякий смысл. Две чашки на столе были единственным доказательством, что здесь когда-то кто-то жил.

А потом, где-то на самом краю слуха, на той границе, за которой звук перестаёт быть таковым и становится ощущением, Киран уловил нечто. Не шорох и не голос, а едва заметное изменение в плотности тишины, как будто кто-то очень тяжело вздохнул. Казалось, будто дом, в котором он находился, вдруг изъявил желание сказать ему что-то действительно важное.

Киран неспешно оторвал взгляд от чашек, осматривая помещение. Его взгляд остановился на комоде в углу помещения, на столешнице которого он заметил старый памятный альбом. Он узнал его мгновенно: Эллиса бережно вела его в первые годы после рождения Ивы, аккуратно вклеивая туда детские снимки, билетки из парков аттракционов и засушенные цветочные лепестки. Он резко встал, подошел к столику, порывисто потянулся к обложке и открыл альбом на середине...

Там было абсолютно пусто.

Нет, фотографии всё-таки были. Те же самые, из прошлой жизни: Ива в своем любимом желтом комбинезоне, Эллиса на фоне бескрайнего океана, и они вдвоем на загородном пикнике. Вот только лица... Родные лица оказались кошмарно смазаны. Не размыты временем и не стерты, а именно недоделаны — словно небрежный художник набросал торопливый эскиз, а затем бросил полотно, так и не завершив работу. Черты проступали лишь общими, грубыми линиями, в то время как глаза, губы и мимика оставались зыбкими, совершенно нечитаемыми, будто искаженные отражения в подернутой рябью воде.

Кирана резко затошнило. С глухим стуком он захлопнул альбом и порывисто обернулся к окну. За чистым стеклом раскинулся их город, знакомый до самой последней мелкой детали: соседний парк с детскими качелями, знакомая яркая вывеска булочной и даже припаркованный у обочины

старый седан с характерной вмятиной на крыле. Однако все улицы были мертвенно пусты. Ни единого прохожего на тротуарах, ни одного движущегося автомобиля, ни одной птицы в неестественно бледном, словно навсегда выцветшем небе. Перед ним лежал безмолвный город-призрак, фальшивая и пустая декорация.

И тут, посреди этой удушающей тишины, он отчетливо услышал звук.

Это был не скрип старых половиц и не глухой шум ветра за окном. В пустом доме родилось нечто, принципиально не имеющее аналогов в живой природе — низкочастотное, вибрирующее гудение, ползущее вовсе не через воздух, а пробивающееся прямо сквозь кости и черепную коробку. Тягучее, неестественное «к-з-з-з-т-т-т» одновременно напоминало и опасный электрический разряд, и сухой хруст ломающихся позвонков, и нечто иное, чему человеческий язык наотрез отказывался подбирать определения. Тот самый когнитивный шум, от которого связанные мысли внутри мгновенно начинали расползаться, словно мокрая промокашка.

Навязчивый звук шел из дальней комнаты — из детской.

Киран двинулся туда на совершенно негнущихся, ватных ногах по пустому коридору. Дверь в спальню Ивы оказалась слегка приоткрыта, и из узкой щели пробивалась тонкая полоса розового света от её любимого ночника-бабочки.

— Ива?.. — едва слышно прошептал он, до последнего мгновения отчаянно надеясь уловить ответ.

Ответом было только безмолвие. Но Кирану показалось — или нет, он уже окончательно запутался и не мог толком различить, — что розовый свет ночника-бабочки чуть дрогнул, просто на долю секунды стал ярче и одновременно как будто кто-то за стеной детской вздохнул.

Он стоял перед дверью и не мог заставить себя протянуть руку, чтобы её открыть. Тело и разум отказывались, дали сбой. Где-то глубоко в подсознании возникло чувство, которое знакомо каждому родителю: когда стоишь перед детской, за которой спит ребёнок, и боишься войти, потому что знаешь, что внутри всё ещё хрупко, всё ещё может разбиться от одного неосторожного движения. Эш очень хорошо помнил это чувство: как замирал на пороге, прислушиваясь к дыханию дочери, считал вдохи и выдохи, прежде чем решиться переступить порог. Помнил, как Эллиса шептала ему из темноты спальни: «Она спит, не буди», и он отступал на цыпочках, чувствуя себя неуклюжим медведем, лишним в этом маленьком мире, который существовал без его присутствия.

Сейчас волной нахлынули те же ощущения, с одним исключением — за дверью не было слышно дыхания. Не было сопения, на худой конец тихого посапывания или шороха одеяла, которое Ива вечно стягивала с себя во сне. Там присутствовало что-то другое, он не видел это прямо сейчас, но интуиция подсказывала и, как будто бы, шептала: «Не входи».

Киран положил ладонь на дверную ручку. Металл был

слишком тёплым, как остывающая конфорка кухонной плиты. Тепло, которого не должно здесь быть по определению. Он почувствовал, как под ладонью что-то пульсирует — не вибрация, а нечто среднее для чего не существовало слова. Будто бы за дверью аритмично билось сердце.

Киран, толкнув дверь, застыл на пороге, ощущая, как его разум стремительно цепенеет, не в силах вместить увиденное.

Детская комната оказалась воссоздана с пугающей точностью, именно такой, какой он её и помнил: уютная кровать с балдахином в мелкий цветочек, забавный плюшевый кит на подоконнике и мобиле с деревянными звездами над самым изголовьем. Но эта кровать вовсе не была пуста. Там кто-то лежал. Маленькая детская фигурка, накрытая легким одеялом с головой, мерно вздымалась и опускалась в такт тихому дыханию. Вот только общие пропорции этого тела казались неуловимо, пугающе неправильными. Тонкая рука, выглядывавшая из-под одеяла, была длиннее нормальной человеческой руки буквально на полсантиметра. Пальцы на кисти имели ровно на один сустав больше, чем нужно. И двигались они совершенно несинхронно, каждый — в своем обособленном, хаотичном ритме, словно под тканью перебирало конечностями какое-то гигантское насекомое.

Киран в ужасе попятился, чувствуя, как его затылок мгновенно обдаёт ледяным холодом. И ровно в этот секундный миг фигура под одеялом зашевелилась. Из-под ткани от-

четливо донесся высокий, до боли знакомый детский тембр Ивы:

— Папа? Ты пришел?

Но последнее слово уродливо растянулось, заживо ухнуло вниз по частотам и превратилось в тот самый нечеловеческий, системный гул. Тягучее, вибрирующее «п-р-и-ш-е-л-л-л» обернулось сырым механическим звуком, от которого у Кирана мгновенно застыла кровь в венах.

Одеяло на кровати начало медленно сползать вниз.

Киран не стал дожидаться, пока оно обнажит то, что скрывалось внутри. Он в панике рванулся назад, со всего маху врезался плечом в дверной косяк, на одном дыхании пробежал гостиную с прихожей и кубарем вылетел на лестничную клетку. Эш бежал, и пот не выступал на коже, а у страха не было запаха: кислой горечи адреналина, солёной влаги паники, — тело молчало, как всё в окружающем мире. Подъезд казался в точности таким же, каким остался в его памяти: облупившаяся масляная краска на стенах, резкий запах местами сырой штукатурки и щербатые бетонные ступени. Он исступленно бежал вниз, совершенно не разбирая дороги, но на площадке третьего этажа замер как вкопанный.

Стены сплошь были испещрены странными письменами. Это были не уличные граффити и не случайные надписи, а бесконечные ряды мелких, монотонных символов, пугающе похожих на машинный код. Программные строки проступали из-под плотной ткани симулированной реальности так,

как сквозь осыпавшуюся побелку пробивается древняя кирпичная кладка. Знаки едва заметно пульсировали слабым голубоватым свечением, и в этом призрачном мерцании Киран вдруг осознал — с чудовищной, леденящей душу ясностью, — что весь мир вокруг него является не более чем грубой фальшивкой. Хрупким, искусственным конструктом, сшитым на скорую руку из обрывков его собственного израненного страданием и болью разума. Идеальной цифровой тюрьмой, возведенной из его же искаженных воспоминаний, украденных Системой.

Перила лестницы под его рукой вдруг стали другими. Ещё секунду назад это был обычный металл — холодный, с характерной шероховатостью сварных швов, с тем лёгким люфтом, который появляется у перил в старых многоквартирных домах. А теперь пальцы скользили по текстуре, которая не была ни металлом, ни пластиком, ни деревом. Поверхность была абсолютно гладкой, без неровностей, ощущаемой температуры или запаха. Киран отдернул руку и посмотрел на ладонь. На ней не осталось следа ржавчины или пыли. Отсутствовал и металлический налёт, который всегда остаётся на коже после прикосновения к старым перилам. Ладонь была чистой.

Он поднял глаза на стены.

Архитектор смотрел на них так, как смотрел бы на чертёж, который кто-то небрежно развернул перед ним на рабочем столе. Он не был программистом и не мог прочесть сим-

волы, которые сменяли друг друга. Но он ясно видел структуру. Строки ложились горизонтальными рядами с шагом в четыре-пять миллиметров. Каждые двенадцать строк образовывали блок, навязчиво повторявшиеся с монотонностью кирпичной кладки. Мгновенно разглядел, что в местах, где символы пульсировали ярче, ткань стены была тоньше — не физически, а как-то иначе, как будто за этими точками пространство переходило в другое качество. Как несущая стена отличается от перегородки. Как фундамент отличается от фасада.

Это был код. Киран не понимал его содержания, но принял его архитектуру, осознав, что эти строки держат реальность так же, как арматура держит бетон. Что без них стены рассыплются, пол уйдёт из-под ног, потолок сложится внутрь, как картонный домик. Что весь этот подъезд, весь этот город, всё что он видит — не более чем декоративная штукатурка, наброшенная на базовый каркас, состоящий из символов. Каркас был виден, швы реальности немного расходились в местах, где трескалась штукатурка.

Эш провёл кончиками пальцев по ближайшей строке. Символы казались тёплыми, тактильно ощущалась их едва заметная аритмичная пульсация, как будто они были частью какого-то живого, но болеющего организма. Они чуть подавались под давлением, как клавиши старого пианино, и ему показалось, что он чувствует их сопротивление. Физическое? Нет, скорее информационное. Как будто каждый знак

беззвучно спрашивал его: ты уверен, что хочешь знать, из чего я сделан? Ты уверен, что хочешь увидеть, что за мной?

Отступив на шаг, он отдёргнул руку и посмотрел на символы снизу вверх, как архитектор смотрит на фасад здания, пытаясь понять, выдержит ли он следующую зиму.

Не выдержит, подумал он. Ничто здесь не выдержит.

Сверху, из темноты лестничного пролета, донеслось отчетливое шлепанье.

То были маленькие шаги — но пугающе тяжелые, слишком уверенные и размеренные для обычного ребенка. Невидимый преследователь приближался, медленно спускаясь по ступеням, и вместе с его приближением по нарастающей гремел тот самый невыносимый, выворачивающий сознание наизнанку системный гул.

Киран в отчаянии закричал. Но здесь, внутри фальшивого подъезда, его собственный голос также не отражался от бетонных стен. Он просто бесследно исчезал, заживо поглощенный мертвой пустотой, — точно так же, как мгновенно гаснет крошечная искра, падая в бездонный колодец.

А звуки сверху становились всё ближе.

Шлеп.

Шлеп.

Шлеп.

И с каждым шагом мир вокруг него становился на одну мелкую деталь беднее — тускнел свет, бледнела краска, истончались стены, — и Киран с ужасом почувствовал, что его

разбирают вместе с этим подъездом, по крошечной частице шаг за шагом, и что следующим, что у него отнимут, будет он сам.